

Выход в Город

Дмитрий Драгилев. Базар-вокзал, или
Привычка жить в Берлине.

Дмитрий Дразилев

БАЗАР-ВОКЗАЛ ИЛИ...
ПРИБЫЧКА ЖИТЬ В БЕРЛИНЕ

Мой опыт общения с берлинским метро отягощен банальными подробностями. График подземки, помноженный на расстояние от любого подъезда до ближайшей станции дает один и тот же результат: в урочный момент поезд скрывается в туннеле. Бег трусцой не спасает положения: все равно не хватает каких-нибудь одной-двух минут. Стоит приблизиться к заветной лестнице, еще секунду назад почти пустой, как по ней начинают подниматься пассажиры, напоминая массовку во время кино съемок: сигнал «мотор», статисты пошли. Как и во времена Сирина (Набоков упомянул этот факт в романе «Отчаяние»), недра «выплывают» народ порциями, по мере прибытия поездов. Поневоле выругаешься, завидев очередных вынырывающих: значит, поезд как раз тью-тью. Учитывая собственную перманентную спешку и то, что десятиминутные перерывы здесь наблюдаются даже в час пик, зрелище досадное... Хотя радует отсутствие неиссякаемой толчи на лестнице, на перроне, в вестибюлях. Вспоминаю, как в Киеве, например, за минуту ожидания на платформе скапливалось такое число граждан, которое способно было поместиться в вагонах лишь путем экстремального уплотнения. Кроме того, берлинские вагоны почти не гремят, при отправлении и прибытии состава всегда услышишь голос собеседника; никаких тебе турникетов и эскалаторов немислимо длинных. Немецкий U-Bahn расположен на уровне канализации: откройте люк — и вы уже в пути. Экономия времени и лишний шанс увидеть колышущееся платье кинозвезды над вентиляционной шахтой подземки... Впрочем, с кинозвездами плоховато. Разве что мелькнет знакомый бомж, оживший гротеск карикатуриста Георга Гроша — с головой, похожей на хэллоуинскую тыкву, помесь профессора Мориарти и вервольфа Николсона.

В общественном транспорте периодически материализуются «наши», чей дресс-код и фенотип неумолимо мутируют в местную сторону — не опознать.

А еще становишься свидетелем сцен. Приведу несколько.

Негр — немцу, попросившему его маленькую дочь вести себя по-тише: «Ты сейчас вылетишь из автобуса» («Du fliegst jetzt aus dem Bus raus».)

Немка при виде турецкой семьи — он, она, дети во множестве, помусульмански запеленавшая себя мать окружена чадами мал-маламеньше, которые облепили ее со всех сторон, — говорит: «Бабы нужны для того, чтобы детей придерживать» («Weiber sind dafür da Kinder zu halten».) — Не я их отец («Ich bin nicht der Vater»), — ищет аргументы мужчина...

Пассажиры городского транспорта — бесправный народ. Иногда мне кажется, что именно на них отрывается государство, не желающее отвечать за ранее прирученных граждан. Или это один из удобных способов дать выход агрессии по адресу представителей нетитульной национальности, нелегалов, маргиналов и других безлошадных, а стало быть, неимущих. Для сравнения — два примера. В начале 90-х (в пору резкого роста цен на проезд) в рижских трамваях чинили облавы: вагон останавливался на перегоне, в него влетала целая толпа контролеров, которые устраивали нечто среднее между проверкой билетов и шмоном. Не раз был свидетелем грустных сцен, когда не приглянувшихся безбилетников тузили и выкидывали на улицу (невзирая на возраст).

В благополучном восточногерманском Эрфурте первых лет XXI века трамваи к вечеру меняли свой маршрут и номер. Неискушенный путешественник из точки А в точку Б мог оказаться совсем в другом месте.

В лихорадочно борющемся с социальными льготами Берлине «зайца», трижды застигнутого врасплох, могут упечь в тюрьму на полгода. После полуночи линии метро, как правило, прекращают свою работу. Причем в первую очередь заканчивается сообщение с наиболее бедными жилыми районами.

Берлинский концерн «Werner Media» издавал (в числе прочего) «Еврейскую газету» на русском языке. В декабре 2006 года в ней можно было прочитать такое сообщение: «Как заявил Ратушняк (мэр Ужгорода. — Авт.), Адольф Гитлер, придя к власти, “в первую

очередь расстрелял 300 трамвайных зайцев”. Мэр подчеркнул, что именно с того времени началось “бурное развитие страны”».

Ну что ж, роковой и экзистенциальный смысл рельсового пути, где бы он ни пролегал — в городе или вне города, на мостовой, под или над ней — тема классическая. Первое, что бросается в глаза на перронах берлинской электрички (надземки, эстакадной дороги) — это не название станции, которое тоже присутствует, а сообщения наследников г-на Безенчука и фирмы «Нимфы». Глядишь в вагонное стекло, ищешь глазами табличку, хочешь знать, куда приехал, не Дибуну ли? Находишь сразу — длинненькую, вытянутую, прямоугольную, а на ней какое-нибудь «Wittenburg Bestattungen», название похоронной конторы. Прямо над перронной скамейкой. Да и по городским кварталам почти на каждой улице — вывески наравне с вокзальными, ресторанными, вплоть до неоновой рекламы и украшений брандмауэров: «Tag und Nachtruf, global, seit 1905» («Звоните днем и ночью, хороним по всему миру, с 1905 года».) Спрашивается, зачем ночью звонить? Вывозят и тайно закапывают?

Транспарант «Billigbestatter» (можно перевести как «дешевый гробовщик») красуется едва ли не на фронтоне одного из вокзалов германской столицы. Странно, почему до сих пор не догадались использовать для этой информации афишные тумбы?

Референций много. Поневоле вспомнишь и Дюма, и Ильфа, и Целана, и *memento mori*.

И все же даже Берлин расхолаживает: население движется прогулочным шагом. «Въезжая в эту страну, словно влезает в домашние шлепанцы», — сказал однажды рижский радиожурналист Алексей Романов. Мне пришла в голову несколько иная фраза: Германия — зона недомашнего консервирования. Или псевдомашнего? Дежурная вежливость, условная добропорядочность, тихо пестуется общий знаменатель — калориферное, среднеарифметическое тепло.

Однако пожаловаться на полный дефицит мимики нельзя. К примеру, немецкий газетчик, который вел пресс-конференцию на конгрессе по ксенофобии, был сильно похож на русского актера, исполнявшего главную роль в «Секретном фарватере» — советском фильме о Второй мировой войне. Но отличался плохой (немецкой!) дикцией и странными гримасами: то потупит взор, то улыбнется без видимых причин. Не потому ли, что в докладе представителя России

преобладали слова: «практики», «идентичность», «субкультура», «дискурс», «электоральный ресурс», «моральная паника»...

Что касается динамики города, зачастую она воспринимается сквозь призму собственной причастности к жизни данного места, зависит от ощущения степени вовлеченности.

Впрочем, вернемся к шлепанцам. Время от времени на одной из линий метро появляется... поэт. Обутый зимой в сандалии, он просит милостыню в каком-то автоматическом режиме, глухой скороговоркой бубня и затверженные куплеты-сонеты, и дежурный «же-не-манж-па-сис-жур». Смотрит искоса, низко голову наклоня, при этом настолько быстро движется по проходу (перегоны между станциями длятся не дольше минуты), что кинуть ему в пластиковый стаканчик «этвас копек ауф дем штюк брод» технически невозможно.

В магазине каждый день — что-нибудь забавное. Появляются женщины восточной наружности и складывают дикое количество решеток с яйцами в корзины. Под верх. Куда столько? Если в гешефт, то почему не в оптовом универсаме, в «Metro»? Мужик-немец потасканного вида стоит в очереди к кассе с русским пакетом, полным пластиковых бутылок. Русская кассирша, усердно скрывающая свое происхождение, привычно выпотрошила пакет в картонную коробку, но одну бутылку вернула владельцу. «Почему?» — спросил немец. Кассирша достала бутылку из пакета, повертела, на этикетке надпись по-русски: «Крем-сода». Ну, думаю, сейчас-то она расколется, продемонстрирует знания. Молчит, пустила бутылку через сканер. Считывающее устройство жалобно пискнуло. «Видите, — торжествуя заметила кассирша, — не тот сигнал!»

Однажды разоткровенничался мой сосед-продавец: «Кассиры уже не только знают тебя в лицо, они знают твою фамилию». — «Мою? Каким образом?» — «А ты карточкой всегда расплачиваешься». Лишний повод убедиться в отсутствии анонимности.

В немецком языке Schlachten — убой, забой (скота), а Schlacht — битва. Легендарная битва древних германцев с римлянами была выиграна молодыми варварами под предводительством Арминия. Один из берлинских рыночных павильонов, пассаж, в котором торгуют (в частности) мясом и мясными изделиями, называется «Arminiushalle». В XXI веке на рынке поставили рояль и пригласили автора этих строк в качестве тапера.

Надо сказать, что с клавишными инструментами я общаюсь дольше, чем помню себя. Неизгладимый след — сердитое оканделябренное пианино «Санкт-Петербург» в квартире родителей. Мама когда-то разучивала на нем свои первые гаммы, а досталось оно нам по дешевке от местного почтальона. Как это произошло? В Риге в начале пятидесятых почтальоны разносили не только почту, но и денежные переводы. Однажды злоумышленники отобрали у почтаря его знаменитую «толстую сумку на ремне» и несчастный письмоносец был вынужден распродавать имущество, чтобы покрыть «недостачу».

Личное погружение в клавиши протекало долго и трудно. Сопливый возраст побудил запустить в инструмент поленом. Это я умудрился не со злости, случайно. В классе седьмом повезло написать сразу два сочинения — за себя и за того парня: друга-приятеля. Тема — связь между предметами обихода прошлого и настоящего. Потирая руки, я спонтанно надиктовал товарищу — в характерной для него сугубо устной манере — опус о печках и калориферах, что-то, как мне казалось, косноязычное и топорное, а сам подготовил аккуратный текстик о развитии клавишных — от монохорда до фортепиано. Оба мы получили пятерки. Причем «сочинение одноклассника» удостоилось особой похвалы учительницы при разборе домашних заданий. В тот момент я понял, что печки народу ближе, хотя без клавирного тепла тоже не обойтись. Клавишные и впрямь — как биологический отряд, порядок в иерархии живых существ, хотя фортепиано по сути — дитя технического прогресса. Обратите внимание на внутренний облик пианино, он напоминает ткацкий станок. А внешний «колесно-педальный вид» рояля вызывает ассоциации с автомобильным транспортом. «Рояль — слишком дорогая и бесполезная часть интерьера, чтобы его приобретать «для фасона», он может попасть в квартиру только на правах домочадца. Он громоздок и громок, у него нет выхода в интернет», — жалуются практичные немцы.

Да, этот объект не подключен к всемирной паутине, но он определенно имеет связь с космосом. Наверное, поэтому взрослые посетители украшенного роялем рынка подводят вплотную своих малышей или держат на руках карапузов так, будто те способны именно здесь и сейчас приобщиться. А некоторые совершеннолетние даже вовнутрь заглядывают. Что ни говори, странное устрой-

ство в неожиданном месте на фоне повсеместных электронных приспособлений. Ау, коллеги, перформеры! Зачем ломать голову над очередными изощрениями, ведь можно просто исполнить туш в перерывах между стуком топора по свиной туше. Пианист, наяривающий свои пассажи в таком пассаже, неизбежно становится грандиозным детским аттракционом.

Рынок, который я имею в виду, расположен в Моабите. Моабит — остров, ныне освоен турками. Гранича с районом Веддинг и станцией Zoo, он омывается по периметру водой каналов и реки Шпрее. Как символ и диаспоры, и отшельничества. Или наоборот, место встречи по пути из тьмы египетской в обетованную землю. Мимо моавитян. Между вечным зоопарком и вечной свадьбой. Out of nowhere. Остров-острог — почти Алькатрас. Галерея сидельцев велика: политики — от Радека до Хонеккера, поэты — от джазиста Парнаха до героя Джалиля, тюрьмы не изжиты здесь до сих пор. Три действующие, из них одна женская. И еще руины бывшей, ныне — мемориал. Легендарная бывшая тюрьма Моабит, скрытая ныне, расположена «у стен» Центрального вокзала. Наверное, в этом тоже есть какая-то глубинная символика, если вы, впервые попав в Берлин, выйдя из поезда, с одной стороны вокзала обнаруживаете государственную канцелярию и чуть поодаль купол Рейхстага, а с другой — созерцаете старые тюремные кирпичи. Кстати, трудно понять, что имел в виду отец автора написанных в этих застенках «Моабитских сонетов» и «мэтр» геополитики Карл Хаусхофер, когда упомянул о своем поверхностном, но личном знакомстве в Мюнхене с братьями Ульяновыми: «Причем мы и не подозревали, что одному из них суждено угодить в руки палача, а другой под именем Ленин станет всемирной знаменитостью». Лично для меня абсолютная новость, что Александр Ульянов, казненный в 1887 году, успел побывать в Мюнхене, да и еще вместе со своим младшим братом Володей, до 1895 года за границу не выезжавшим...

Времена меняются, Моабит постепенно становится модным. Галерные рабы уступают место воинствующим моабитникам. Недаром слог «мо» — один из тех, которыми распеваются певцы.

Набоков в «Даре» писал о том, как в утренних берлинских дворах звучали слова “Prima Kartoffel”, произносившиеся «тонко и сдержанно-певуче». Нынче на многих немецких улицах видишь лавки смуглых зеленчиков, поминутно выкрикивающих:

«Томатен айн ойро, томатен айн ойро!!!»

Зычная фраза «помидоры за один евро» звучит вполне по-турецки.

Каждый пытается сбыть свой товар, как может. Еще недавно процветала реклама по телефону. Неожиданно в твоей квартире раздавался звонок, и незнакомый человек предлагал тебе сыграть в лотерею, суля неслыханные выигрыши, среди которых — возможность попасть на модную телевизионную передачу, или пытался навязать страховку; в крайнем случае, советовал приобрести что-нибудь. Убалтывающего обрывали на полуслове. Бодро начатая фраза вербовщика: «Heute möchte ich Ihnen die einmalige Gelegenheit geben...» — заканчивалась глаголом: «aufzulegen» и короткими гудками. Ради такой фразы стоило позвонить, ибо она хороша сама по себе: «Сегодня я хотел бы предоставить Вам уникальную возможность... положить трубку».

Рекламный стенд — эльдорадо креатива. Он демонстрирует нам что угодно. Например, как сделать книжный стеллаж из Бранденбургских ворот и пропустить через них грузовик, везущий вместо цистерны с водой огромную канцелярскую скрепку, или как сделать привлекательной обычную очередь...

Нельзя сказать, что в Берлине нет очередей. Люди послушно выстраиваются друг за другом к кассам больших магазинов, в присутственных местах, на почте, на лестнице, ведущей к Рейхстагу. Но сакраментальный вопрос человека, желающего занять очередь, звучит обычно так: «Вы первый?»

Хотя, как говорится, бывают и иные случаи. Вот очередь в берлинском супермаркете — к автомату, принимающему пластиковую тару. Подошедшая женщина просит пропустить ее: она принесла всего одну бутылку. «Стой, где была. Видишь, все стоят!» — восклицает африканского вида покупатель, он второй в очереди. Женщина пытается возражать. «Du hast nichts zu sagen» (помалкивай), — ставит точку чернокожий на ломаном немецком.

В этой связи вспоминаю эпизод, запомнившийся мне благодаря поездкам в Киев. В гастрономе, расположенном на самой известной киевской площади, очередь в отделе бакалеи и напитков. Солидный мужчина лет шестидесяти подходит прямо к прилавку и зычным голосом объявляет: «Я тут стоял. Мне бутылочку, вон ту. — Покупает фунфырик. — Сдачи не надо, это вам на депозит».

Фунфырик опорожняется залпом, не отходя от кассы, на глазах у очереди и продавщицы. Очередь молчит, продавщица не возражает.

Увы, несмотря на отмены виз и границ, настоящие поездки, как и положено в современную эпоху, вытесняются имитациями.

В июле 2008 года я писал Алексею Парщикову:

«Ни с того, ни с сего повезло сняться в эпизоде немецкого телесериала, намеченного через 15 месяцев к выходу на экраны: роль пассажира поезда “Каштан” на маршруте Берлин-Киев. Самым интересным в этой истории было наблюдать, как совсем-даже-не-верзила динамично раскачивали вагон с помощью брусьев, разумеется, деревянных. Старый IC-Вагон с отсеками, отдаленно напоминающими наши купе, стоял на запасном пути товарной станции Лихтенберг. Случилась и беседа с режиссером, который сгоряча прервал экспромт массовки, затянувшей было песню “Дорогой длиною” в тамбуре. Сочувствуя коллегам-статистам, я не удержался от объяснений, что опознанный постановщиком хит 1968 года “Those were the days” на самом деле является переделкой популярного русского романса Бориса Фомина и в сюжет картины вписывается идеально».

В связи с длинной дорогой и языком, который до Киева доведет, вспоминаю еще два эпизода. В письме члена Общегерманского координационного совета российских соотечественников присутствовала такая деталь: «Уважаемые коллеги, по не зависящим от меня причинам нахожусь в Украине...»

А меня однажды пригласили выступить с рассказом о танго и Оскаре Строке в берлинском клубе киевлян.

— Здравствуйте, это Мария, — говорит женщина с таким прононсом, будто только вчера приехала из Одессы. — Вы выступите у нас в клубе «Киев»?

— В клубе геев? — пошутил я.

Дама или не расслышала, или не поняла юмора и «поехала дальше»:

— Вышла книжка об Оскаре Строке, автор Анисим Гиммерверт. Вы, думаю, в курсе.

— Знаю. И могу принести еще одну книжку, свою.

— А зачем еще одна книжка? Одна уже есть...

Киев-не-Киев, да только расклад почти по Жванецкому...

Выступления на общественных началах, клубы по интересам... На самом деле, работа на общественных началах имеет давние традиции в «пространстве немецкого языка». Вспомним, что в ответ на прошение Вольфганга Амадея Моцарта, Венский магистрат смог ему предложить лишь «место без жалования». Сегодня подобные «места службы» стали обычной формой трудовой деятельности.

В конце прошлого, XX века, немецкий устроитель концерта «Русская ночь» пригласил меня и музыкантов моего ансамбля к себе домой. Еще недавно он обещал подрядиться на роль импресарио эмигрантского джаз-оркестра. Теперь же рассказал об убытках, которые понес, о том, что музыка — дело неприбыльное. Уклонившись от выплаты оговоренной суммы вознаграждения (договор заключен не был), намекнул на идею бизнеса с Украиной — как на перспективу нового сотрудничества. О щетине и ее поставках. Тогда один из участников беседы распахнул ворот и обнажил волосатую грудь, а другой вспомнил фильм «Подвиг разведчика». Там тоже речь велась о щетине, только закупки предлагал делать советский агент. Интересно, что задолго до «Подвига разведчика» тема таких поставок прозвучала в рассказе Саши Черного «Письмо из Берлина»: главный герой планировал организовать сбыт щетины из берлинских парикмахерских в Эстонию.

После объединения Германии из Берлина было выгоднее и удобнее поставлять зайцев. Причем вовсе не трамвайных... Впервые я наблюдал их на пахотных землях по окраинам тюрингских деревень: огромных зайцев, сидящих в траншее, чем-то похожих на кенгуру. Позже меня поразило постоянное «военное» присутствие этого зверя в столичных парках и жилмассивах. Впрочем, речь, скорее, о кроликах. Именно они, те самые, которые «не только ценный мех», украшали германскую столицу. Будто Берлин — и не город вовсе, а так, слегка застроенные сельхозугодья. Но берлинский кролик — порода особая. Бывает зверек карликовый, бывает королевский, а тутошний кролик — застенный. Точнее говоря — пристенный. Ибо жил он долгие десятилетия при берлинской стене. На пограничной разделительной полосе, полосе отчуждения, нейтральной полосе и как там еще все эти полосы юридически называются. Однако стену разрушили, и сорок тысяч любопытных носителей ценного меха устремились в Тиргартен.

Никто не объявлял ни охоту на них, ни отлов, никто не кричал «Ну, погоди!», но желающие поживиться ждать себя не заставили. Затосковали звери по бывлой резервации, да поздно. Возвращаться некуда. Пришлось спешно рассредоточиться по разным районам города.

Увы, за четверть века немецкого единства зайцы стали почти дефицитом, скажу больше: с некоторых пор их вытесняют непуганые лисы. О моих собственных встречах с ними, дневных и вечерних, нужно рассказывать отдельно. В Риге подобные факты освещались в газетах. Осенью 1938 года рижская газета «Сегодня вечером» сообщала: «На Тербатской улице прохожий поймал серебристую лисицу. После непродолжительной погони лисица была поймана за хвост Альбертом Лусте, проживающим на ул. Кр. Барона. Он заметил ее, направляясь на работу. В полиции Лусте предъявил свои права на находку и по закону должен получить третью часть ее стоимости. Лисица, за неимением другого помещения, была посажена в одну из камер, приспособленных для вытрезвления пьяниц»...

Что к сказанному добавить? Лусте — фамилия бывшего директора музыкальной школы, в которой я учился, позже проректора Латвийской академии музыки. А вытрезвителей в Берлине нет. Бродяги в окружении не лисиц, но личных собак безмятежно опорожняют и свои бутылки, и себя на каждой десятой лавочке, в скверах, парках и прочих укромных местах. Иметь четвероногого друга в позднем СССР всегда было признаком относительного материального благополучия и даже социального статуса. Почему в крупных городах Германии с породистыми псами разгуливают в основном бомжи и гопники? По принципу все тех же клубов? Или их соединила собачья жизнь?

«Сделайте что-нибудь!» Иной раз этот вопль отчаяния можно услышать не от бомжей, но — по-русски — от «безъязыких» эмигрантов, пытающихся беседовать с представителем социального ведомства. Интересно другое: вопиющий подразумевает не безработицу, квартирные проблемы и т.п. Так выражен призыв о помощи в ситуации необходимости и невозможности собственными силами объясниться на незнакомом наречии здесь и сейчас.

Наверное, неспроста журналист из Баден-Бадена Яков Бердич предложил учредить газету «Новости дна».

Скажите мне, куда уплыли киты, на которых держалась Земля? Почему брюнетки в адыгейских мифах «лунарны», их волосы символизируют ночь, а лица «светят» во тьме? Вечером в берлинские парки лучше не соваться. Фонари в них, как правило, отсутствуют, да и девичьи лица не помогут. Разве что на отдельных аллеях... Когда-то экипажи бургеров и дворян медленно двигались по весеннему корсо Тиргартена, а шеф берлинской полиции ввел в оборот выражение «эпоха увеселительных корсо». В качестве вывески слово «корсо» попало на двери дансингов Берлина, Цюриха и Рижского взморья. (Это уже в советское время юрмальское «Корсо» превратится в общественную столовую, и необычное название станут увязывать с Персеем, разместив на стенах соответствующие панно. Наверное, деятели общепита заподозрили в незнакомом слове «чисто фонетическую» связь с мореплавателями Древней Греции...)

С Тиргартеном граничит Потсдамская площадь. Помню, как на ее месте красовался огромный котлован и разливанное море. В ту пору я пробовал себя в роли церковного органиста, правда, не в Берлине, а в глухой тюрингской деревне. У деревенского пастора была неожиданная фамилия Хан и не менее неожиданная внешность — вылитый Фред МакМюррэй, звезда старых голливудских триллеров. Из деревни я торопился в Берлин, дабы не пропустить гастроль легендарного биг-бэнда: в Берлинской филармонии (к ее стенам котлован тогда приблизился почти вплотную) гастролитировал оркестр Гленна Миллера. С классическим репертуаром: «Серенада лунного света», «Коктейль лунного света»... Оркестр на поверку оказался голландским.

Между прочим, по части исполнения большинства свинговых баллад Миллера не перещеголяет никто. В балладах — свои луны. Меланхолия исчезновения и созерцания, ностальгии, недосказанности, любовного пепла, оставшегося от тепла. Перемещающиеся оттенки, хрупкие и зыбкие грани параллельных пространств. Как шутят немецкие астрономы, «мы — звездная пыль в самом демифологизированном смысле».

В отечественной традиции у луны был несколько иной привкус. «И на штыке у часового горит полночная луна!» — восклицал Федор Глинка. «Скучно, грустно... Колокольчик однозвучен, отуманен лунный лик», — возражал Пушкин. «Кремнистый путь

блестит» у Лермонтова. «Неуютная жидкая лунность» разлилась у Есенина, в Берлин заглядывавшего. «Луна стоит на капитанской вахте... Уходит женщина, любимая тобой», — у Луговского. Хотя других наблюдений тоже в избытке. «Молодая луна — это языковой образ, ежемесячно обновляемый небом», — писал Виктор Шкловский, временный берлинец. Бродвейской и голливудской Америкой попахивает сентенция еще одного временного берлинца — Вертинского: «Как лунная голубая дорога [...] мелодия властно влекла за собой в какой-то иной мир, мир невыразимо прекрасных чувств, светлых и чистых, как слезы во сне, [...] заколдованный мир [...], точно опрокинутый в [...] озера таинственный ночной лес, залитый лунным светом». Спросите, при чем здесь немцы? Но, если вспомнить, что «Лунная соната» — бетховенское изделие, а сама луна — продукт хромого бочара из Гамбурга...

У немцев есть хорошее выражение: *Blick über den Tellerrand*. Перевести чужой идиоматический оборот — дело нелегкое, особенно, когда нет точного эквивалента. Присказка «видеть дальше своего носа» в качестве перевода не подходит, «совать свой нос в чужой огород» — тем более. Речь о способности мыслить шире, видеть то, что творится за пределами твоего круга, будь это лунный нимб, барабанный обод, каемочка блюда, круг от горящей настольной лампы или пространство, ограниченное той или иной кольцевой дорогой... Наверное, нынешних русских литераторов Берлина, да и некоторых других германских мест, можно сравнить с лунатиками, живущими на «диффузных ногах». Далеко не все из них интересуются тем, что делают коллеги-немцы. Но и немцы, увы, почти не в курсе ситуации русских «диаспоральных» авторов, ситуацию, которую, как мне представляется, отличают фантомные черты: кто-то испытывает фантомную боль, кого-то будоражит и сбивает с толку фантомный читатель. Впрочем, это уже местная специфика влияет. Недаром фельетонист Ансельм Нефт добрую половину берлинцев подозревает в фантомности: вечерних велосипедистов, традиционно пренебрегающих бортовыми огнями, многочисленных «представителей свободных профессий» в тренировочных костюмах... Для Нефта важен гамбургский счет, вот он и плачет вдогонку ускользающему значению встреч и событий.

Снова в метро. Напротив — польская парочка. Парень рассказывает что-то. Она спрашивает: «Кто?» Он отвечает. Девушка опять с вопросом: «Где?» Ответ. Кивок. Все-таки как хорошо, если люди понимают друг друга. Ибо, по Манделъштаму, в «толпе лиц не видно, но живут самостоятельно одни затылки и уши»...

Мое ухо однажды уловило вопрос, адресованный мне случайной прохожей-американкой: «Вам нравится жить в Германии?» «Это привычка», — ответил я, поразмыслив.

